

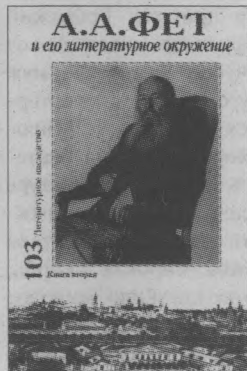
Наследие

рецензии

Долгожданнные тома

Афанасий Афанасьевич Фет — настолько безусловный классик (начинающийся со школьной программы ранних классов), что спорить об этом даже и глупо. Но, парадоксальным образом, доселе нет полного собрания сочинений Фета — такие парадоксы нередки, но от того не менее чудовищны. Малодоступное относительно недавнее собрание, начавшее публиковаться в Курске, так и не закончено, и не известно, когда закончено будет...

На этом фоне двухтомник, изданный в легендарной серии «Литературное наследство», отчасти компенсирует несобранность фетовского корпуса текстов — хотя бы в области эпистолярно-

А. А. Фет и его литературное окружение / Отв. ред. Т. Г. Динесман.

М.: ИМЛИ РАН, 2011. — 1040 с. — (Литературное наследство. Т. 103: В 2-х кн. Кн. 2). 1000 экз. (п) ISBN 978-5-9208-0381-8

го жанра. Первый том вышел в 2008-м; второй — в конце

2011-го. Символично и то, что издание фактически оказалось юбилейным для серии — не по нумерации томов, но по хронологии, — в 2011-м исполнилось восемьдесят (!) лет «Литературному наследству»: важнейшая дата для отечественного литературоведения.

Переписка Фета представлена в издании впервые с такой полнотой. Здесь — письма к С.П. Шевыреву, И.П. Борису, черновики писем к И.С. Тургеневу, переписка с Я.С. Полонским, В.П. Боткиным, во втором томе — письма к Л.Н. Толстому, переписка с С.А. Толстой, Н.Н. Страховым, К.Р. — великим князем Константином Констан-

тиновичем (увы, здесь же и некрологи филологам, готовившим издание — Ю.П. Благоволиной, Т.Г. Динесман, Л.М. Розенблюм).

Письма Фета — памятник, в подлинном смысле слова. Перед нами и опыт осмысления собственной жизни, и фиксация текущего момента; и легкая беседа, и глубокие литературные разборы. Характер Фета был непросто, непросты были и его взаимоотношения с литераторами современниками. Оттого особенно интересно наблюдать те регистры, которые адресант меняет в зависимости от адресата — оставаясь, конечно же, собой. Так, в письмах поэту и великому князю К.Р. сочетается веж-

ливая верноподданность с крайне жестким разбором сочинений корреспондента: сословно высший, К.Р. был одновременно и смиренным поэтическим учеником; отсюда такой двуслойный стиль общения. Другой верный собеседник по переписке, Николай Страхов — собеседник скорее в области философии, мировоззрения (широкий читатель плохо знаком с этим аспектом духовного облика Фета — а ведь он был переводчиком Шопенгауэра). В переписке с Яковом Полонским сталкиваются два типа «чистого лирика» — вроде бы близких, ценящих друг друга, но с очевидностью недопонимающих, — и так далее.

Подчас — за пределами узких литературоведческих корпораций, занимающихся тем или иным автором, той или иной эпохой — даже квалифицированный читатель предвзято представляет себе объем мыслительной и творческой жизни того или иного сочинителя, пусть и классика. Эпистолярное наследие, наряду с иными типами маргинальных или бытовых текстов, совершенно необходимо для реконструкции подлинного облика автора, — ведь, чтоб там ни говорили про тайну переписки, в какой-то момент всякий текст, даже личный, отчуждается, становясь элементом не частной жизни, но культуры.